

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Scientia et Progressus

№ 1 / 2026

<https://progresci.ru/>

Главный редактор журнала:

Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Кешнер Мария Валерьевна, доктор юридических наук, юридический факультет, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Лысаковский Григорий Антонович, кандидат юридических наук, доцент кафедры права интеллектуальной собственности, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Маличенко Владислав Сергеевич, доктор юридических наук, отдел социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

Мант Джесс, PhD (докторантура), Юридическая школа Монаша, Мельбурн, Австралия

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://progresci.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92144

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Scientia et Progressus, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Частно-правовые (цивилистические) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Scientia et Progressus» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования.

Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Scientia et Progressus» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Keshner Maria Valeryevna, Doctor of Laws, Faculty of Law, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Lysakovskiy Grigoriy Antonovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Intellectual Property Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Malichenko Vladislav Sergeevich, Doctor of Laws, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mant Jess, PhD Candidate, Monash Law School, Melbourne, Australia

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://progresci.ru/>

Media registration number: El No. FS77-92144

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Scientia et Progressus, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

Private law (civil) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware

systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Scientia et Progressus" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Scientia et Progressus" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志:

纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会:

玛丽亚诉 Keshner, 医生的法律, 法学院, 喀山联邦大学, 俄罗斯喀山

格里戈里*安东诺维奇 Lysakovsky 博士在法律系副教授该部门的知识产权法, 白俄罗斯国立大学、明斯克, 白俄罗斯

弗拉季斯拉夫 Malichenko, 医生的法律部门的社会立法, 研究所的立法和比较法在俄罗斯联邦政府, 俄罗斯莫斯科

Mant 杰斯博士, 莫纳什大学法学院, 澳大利亚墨尔本, 澳大利亚

创始人:

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址: 41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站: 930301001

OGRN: 1259300002103

电话: +7(909)679-60-04

网站: <https://progresci.ru/>

媒体登记号码: 电邮号码 FS77-92144

出版者: 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

Адрес 出版商的地址: 莫斯科. Москва

©科学等 Progressus, 2026 年. г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业：

私法(民事)科学

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。文章，已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究，该文接受出版，包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"科学等 Progressus"发表的科学和实用研究，在按照命名的科学专业，为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者，因此，它允许对设计各种选项，参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的：

- 内部文本链接(根据 APA 标准)
- 脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)
- 非文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计，以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用出版杂志的材料，提到"科学等 Progressus"是强制性的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。



内容 是提供 下 лицензий 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СУДОВ.....	9
ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ .	20
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ	31
НЕРАТИФИЦИРОВАННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОРА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ.....	41
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ	53

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СУДОВ

**Наумов Вячеслав Викторович, к.ю.н., доцент, Федеральное
государственное казённое образовательное учреждение высшего
образования "Московский ордена Почета университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В Я. Кикотя",
ergenngov@yandex.ru**

Аннотация

Трансформация позиции Конституционного Суда РФ по вопросу возможности исполнения решений международных и зарубежных судебных органов крайне актуальна и одновременно с этим закономерна. Признающая себя частью международного сообщества Россия стремится добросовестно исполнять взятые на себя международные обязательства, в том числе и по признанию и исполнению соответствующих судебных актов, принятых вне ее юрисдикции. Однако наличие отдельных противоречий, причем весьма существенных, порождает необходимость во многих случаях задаваться вопросом о том, допустимо ли те или иные акты признавать и приводить в исполнение на своей территории. Конституционный Суд РФ, играющий зачастую определяющую роль в решении рассматриваемой проблемы, демонстрирует достаточно устойчивую тенденцию изменения взглядов на акты международных и зарубежных судебных органов с позиции их исполнения. И если раньше изменение его позиции могло быть как-то поставлено под вопрос, то в настоящее время в результате конституционной реформы 2020 г. позиции указанного органа укрепились, особенно в связи с расширением полномочий. Но очевидной

остается проблема пересмотра Конституционным Судом РФ ранее сформулированных позиций. На это обращено основное внимание автора.

Ключевые слова: исполнение решения зарубежного суда, конституционное правосудие, Конституционный Суд РФ, позиция Конституционного Суда РФ, решения зарубежных судов

Original article

TRANSFORMATION OF THE POSITION OF THE CONSTITUTIONAL COURT REGARDING THE POSSIBILITY OF ENFORCEMENT IN RUSSIA OF DECISIONS OF INTERNATIONAL AND FOREIGN COURTS

**Naumov Vyacheslav Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Moscow
Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation named after V.Ya. Kikot"**

Abstract

The transformation of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of the possibility of executing decisions of international and foreign judicial bodies is extremely relevant and at the same time logical. Recognizing itself as a part of the international community, Russia strives to faithfully fulfill its international obligations, including the recognition and enforcement of relevant judicial acts adopted outside its jurisdiction. However, the existence of certain contradictions, and very significant ones, makes it necessary in many cases to ask whether certain acts are acceptable to recognize and enforce on their territory. The Constitutional Court of the Russian Federation, which often plays a decisive role in solving the problem under consideration, demonstrates a fairly stable trend of changing views on acts of international and foreign judicial bodies from the perspective of their execution. And if earlier a change in its position could somehow be called into question, now, as a result of the constitutional reform of 2020, the position of this body has strengthened, especially in connection with the expansion of powers. But the

problem of reviewing the previously formulated positions by the Constitutional Court of the Russian Federation remains obvious. This is the main focus of the author.

Keywords: enforcement of a foreign court decision, constitutional justice, Constitutional Court of the Russian Federation, position of the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of foreign courts

Introduction

The issue of enforcement of foreign court decisions by the Russian Federation is now more acute than ever, since, on the one hand, the current situation is characterized by the existence of a conflict between Russia and the so-called collective West, which does not allow for full legal cooperation with many Western states, including through the enforcement of relevant court decisions of certain countries. On the other hand, Russia still remains the most important subject of the world community, while recognizing international law and strictly observing the norms of treaties concluded with many countries.

In these circumstances, the policy of enforcement of foreign court decisions requires an extremely balanced approach. The Constitutional Court of the Russian Federation has played a key role in its formation in recent years, and its position has significantly changed, which cannot be ignored.

The main part

46 of the Constitution of the Russian Federation guaranteed by Part 3 [1] the right of a citizen to apply to international bodies for the protection of human and civil rights and freedoms in cases where domestic institutions have exhausted their capabilities and have not brought the expected result. This opportunity, while significantly expanding the resources of justice, also contributes to strengthening its authority.

However, in practice, international bodies do not always deal with judicial issues with the proper level of impartiality, without political background, showing due respect for a particular country that is a party to the dispute. And this circumstance. It gives

certain grounds to question the legitimacy of many decisions of the relevant international bodies. A similar problem exists with decisions made by foreign courts, which also often do not fully respect the national law of another country, including Russia. Hence the need to assess the constitutionality of such decisions.

Moreover, the main problem is not always the contradictions between Russian law and the positions expressed in international or foreign judicial acts. Often, contradictions are also seen in acts of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted on the same issue, or on identical issues, but in different periods of time.

It is generally accepted that a steady trend towards changing the position of the Constitutional Court has been outlined since 2010, when in the case of *Citizen Markin v. the Russian Federation*, considered in the ECHR, a number of violations on the part of Russia were recognized. However, the corresponding decision of the ECHR came into conflict with the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the European Court did not take this aspect into account. Further, on 14.07.2015, the Constitutional Court of the Russian Federation adopted Resolution No. 21-P [5], which actually became the basis for implementing the "non-enforcement mechanism" of ECtHR decisions [8, p.79].

A fairly clear example of the transformation of the Constitutional Court's position on this issue is its reassessment of its views on the essence and content of paragraph 1 of Article 23 of Federal Law No. 101-FZ of 15.07.1995 (as amended on 08.12.2020) "On International Treaties of the Russian Federation", which states that "an international treaty or part of a treaty may be applied by the Russian Federation before its entry into force. The Russian Federation temporarily, if this is provided for in the agreement or if an agreement has been reached with the parties that signed the agreement" [3].

Of course, in this case, there is no question of a specific court decision. However, any norm, in one way or another, is potentially the basis for a dispute, a court decision, and therefore this norm is directly related to the problem under consideration. And

assessing it for compliance with the Basic Law of the country in 2012, the Constitutional Control Committee recognized the absence of contradictions to the Constitution "in the part that allows temporary application until the entry into force of an international treaty (or part of an international treaty) of the Russian Federation, affecting the rights, freedoms and duties of a person and citizen and establishing other rules". At the same time, the position was reasoned by the fact that the specified norm in its constitutional and legal meaning in the system of current normative legal regulation does not imply the possibility of applying such an international treaty (or part of an international treaty) in the Russian Federation without its official publication [4].

Obviously, by recognizing this provision as permissible, the Constitutional Court also allowed the possibility of executing decisions of foreign and international courts based on не вступивших international treaties that have not entered into force on the territory of Russia, which in modern realities sounds extremely paradoxical.

However, in the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2867-O-R of 24.12.2020 " On Clarification of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of 27 March 2012 in the case on checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 23 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", the position expressed earlier was fundamentally revised and stated that application of the provisions of the international treaty of the Russian Federation, but specifically in relation to cases of settlement by international arbitration of disputes between the Russian Federation and foreign investors that have arisen in connection with their investment and business activities on the territory of the Russian Federation, even if this international treaty has been officially published, without the adoption of the federal law on its ratification [ACS No. 2867-O-P].

It is obvious that a decisive contribution to the transformation of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue was made by the constitutional reform carried out in 2020, thanks to which this body significantly strengthened its position in the system of government bodies [8, p. 79], having received

a number of additional powers, including those related to the ability to resolve issues on the permissibility of executing international treaties and decisions of international and foreign judicial bodies on the territory of Russia: the addition of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation by Part 5.1 convincingly testifies to this.

Of course, this measure was largely dictated by the objective need to create additional tools to protect the constitutional order and national interests, including to prevent interference in Russia's internal affairs by other countries, international organizations and bodies through legal instruments.

It seems that such significant changes in the position of the Constitutional Court of the Russian Federation would not have occurred in the absence of certain circumstances:

- first, a significant deterioration in relations with a number of Western states, which occurred gradually, but very clearly;

- secondly, the revision of the Constitution of the Russian Federation from the position of ensuring the protection of national interests and the constitutional order.

All this has set the Constitutional Court of the Russian Federation on a radical review of its policy towards foreign and international judicial bodies. And, as subsequent events showed, such a revision was necessary. Perhaps the need to reconsider the position arose earlier, but there were no weighty reasons for this.

It is also necessary to recognize the fact that for some time now there has been an urgent need to ensure the protection of traditional values in the conditions of the Russian legal order and deviation from such values in many foreign countries. This, too, could not but leave its mark on the practice of evaluating decisions of international and foreign courts, including the ECHR.

It is impossible not to pay attention to such problems as compliance with the principles of international courtesy and reciprocity in resolving issues related to the execution of decisions of international and foreign judicial authorities. These principles are generally regarded as an essential condition for international cooperation in various

fields, including in the field of justice. However, they have recently been called into question.

And here it is impossible not to pay attention to the presence of fundamental differences between reciprocity and politeness. If we talk about politeness, then it always means showing respect, recognition, but there is no question of bilateral mutual manifestation of appropriate behavior: it is possible, but not necessary. When it comes to reciprocity, it involves two-way, identical actions [7, pp. 165-166]. That is, in the case of enforcement of a court decision by the first country, the second country similarly executes the decision of the first court. In this case, there is a manifestation of politeness. However, politeness also applies when one country executes the decision of the court of the second country, but the second does not execute the decision of the court of the first country. The latter situation is highly undesirable, because there is no reciprocity, and politeness is shown only on one side. In particular, for this reason, it is often necessary to reconsider the position regarding the enforcement of decisions of foreign and international courts.

It is interesting that in the scientific literature, views on the issue of enforcement of decisions of international and foreign courts also tended to change dramatically. For example, in 2016, the authority of Russian court decisions abroad was noted [7, p. 168]. At the present time, it is difficult to talk about this, especially in relation to Western countries.

While recognizing the existence of a certain transformation in the position of the Constitutional Court regarding the possibility of executing decisions of international and foreign courts, it is impossible not to say that, in general, the Constitutional Court itself did not introduce anything new to the legal system, if we ignore judicial practice, because the current Russian legislation did not allow applying on the territory of Russia (may cause) damage to the sovereignty of Russia, threaten its security, or contradict the judicial procedure [2]. However, it is up to the Constitutional Court to determine how a particular decision of an international or foreign judicial body will be evaluated. In other words, the problem largely lies precisely in the legal assessment of a particular

decision from the point of view of the same legal norms aimed at protecting the constitutional order of Russia.

It is appropriate to recognize that having de jure revised its position on the possibility of executing decisions of foreign and foreign courts, Russia, nevertheless, has not deviated from its path in terms of development in accordance with international law, for which there are quite convincing arguments. First, as A. A. Kostin rightly emphasizes [9, p. 21], the court decision itself, whoever it is, does not have legal force outside the state on whose territory it is made, because the implementation of justice is a form of implementation of state power, and it is precisely within the state that it is made. This means that it generates only those consequences that the State of location itself allows, for example, the debtor. In other words, an international court or a foreign court is competent in its decisions only to the extent that it is allowed to do so by another country, in particular Russia. In other words, it is Russia that has the right to decide which foreign or international judicial acts to enforce on its territory and which not to enforce.

Here it is impossible not to mention such a mandatory condition for the recognition and execution of judicial acts as the existence of an international treaty, and it is precisely ratified, for which there is a very specific reason, namely, confidence in the foreign judicial system cannot be absolute. Therefore, additional barriers are needed to prevent many violations. And an international treaty, as well as respect for the principle of reciprocity, should contribute to this. At the present time, the principle of reciprocity in many cases is out of the question in a positive way.

Conclusion

Thus, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the enforcement of decisions of international and foreign courts has undergone a very significant transformation, which was natural, and was mediated by quite objective reasons. And given the events of the last 10 years, it would hardly be appropriate to expect any other changes in the framework of the position under consideration. At the same time, a special role in the transformation of this position was played by the

constitutional reform of 2020, which we assess positively in terms of strengthening the tools of constitutional control.

At the same time, the stability, unambiguity, and indisputability of the opinions expressed by the Constitutional Court of the Russian Federation raises some questions, since certain positions are reviewed by them after some time. In this regard, it is necessary to develop some uniform approach to resolving disputes. Perhaps the relevant ideas should be expressed in the legislation on the Constitutional Court or in a special development concept that should be developed for this body of constitutional control, which is extremely important in modern conditions.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней",...» // СПС «КонсультантПлюс». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 15.05.2025).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации"» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

7. Кайсин Д.В., Безрученков М.В. Исполнение российских судебных решений за рубежом: современные тенденции // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 161–168.

8. Кожевников О.А., Крысанов А.В. Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в российской федерации // Московский юридический журнал. 2021. № 3. С. 77–85.

9. Костин А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 34 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.

3. Federal`ny`j zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 08.12.2020) «O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 29. St. 2757.

4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.03.2012 № 8-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 23 Federal'nogo zakona O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.D. Ushakova» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 15. St. 1810.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 N 21-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 1 Federal'nogo zakona O ratifikacii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod i Protokolov k nej,...» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (data obrashheniya: 15.05.2025).
6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.12.2020 № 2867-O-R «O raz`yasnenii Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2012 goda № 8-P po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 23 Federal'nogo zakona O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny`j sajt Konstitucionnogo Suda RF. URL:
<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (data obrashheniya: 15.05.2025).
7. Kajsin D.V., Bezruchnikov M.V. Ispolnenie rossijskix sudebny`x reshenij za rubezhom: sovremennyy`e tendencii // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2016. № 2. S. 161–168.
8. Kozhevnikov O.A., Kry`sanov A.V. Konstitucionnaya reforma 2020 g.: k voprosu ob osobennostyax ispolneniya reshenij mezhgosudarstvenny`x organov i sudov zarubezhnoj yurisdikcii v rossijskoj federacii // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3. S. 77–85.
9. Kostin A.A. Pravovy`e osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostranny`x sudebny`x reshenij v Rossijskoj Federacii: avtref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 34 s.

Научная статья

УДК 341.9, 342.7

ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Лю Ю-Сюань, Ph.D., Университет Святого Иоанна, Нью-Йорк, США,
liuyuxuanny@gmail.com**

Аннотация

Тема лишения гражданства в контексте международного права не является новой, однако с постепенным реформированием современного российского законодательства она становится все более актуальной. В настоящее время на конституционном уровне в России запрещено лишать гражданства, однако те нормы федерального законодательства, которые предусматривают основания для прекращения гражданства, фактически свидетельствуют о существовании в России института прекращения гражданства. Поэтому автором обращается внимание на терминологическую проблему, выраженную в наличии противоречий, фактическую тождественность понятий «прекращение гражданства» и «лишение гражданства», их формальное различие. Приводятся некоторые мнения, выраженные в научной литературе по поводу проблемы лишения гражданства, в том числе идеи о формальном введении такого института. В конечном итоге автором поддерживается идея о формальном введении института лишения гражданства, что должно исключить фактическую подмену понятий, имеющую место в настоящее время. О обязательным условием лишения гражданств автор видит усложнение соответствующей процедуры в целях пресечения злоупотреблений. Полный же отказ от данного институт обосновывается как нецелесообразный и невозможный ввиду необходимости защиты конституционных интересов страны.

Ключевые слова: гражданство, Конвенция о сокращении безгражданства, лишение гражданства, отмена решения о приеме в гражданство, прекращение гражданства

Original article

DEPRIVATION OF CITIZENSHIP: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Yu-Hsuan Liu, Ph.D., St. John's University, New York, USA

Abstract

The topic of deprivation of citizenship in the context of international law is not new, but with the gradual reform of modern Russian legislation, it is becoming increasingly relevant. Currently, at the constitutional level, it is prohibited in Russia to revoke citizenship, but those norms of federal legislation that provide grounds for termination of citizenship actually indicate the existence of the institution of termination of citizenship in Russia. Therefore, the author draws attention to the terminological problem expressed in the presence of contradictions, the actual identity of the concepts of "termination of citizenship" and "deprivation of citizenship", their formal difference. Some opinions expressed in the scientific literature on the problem of deprivation of citizenship are given, including ideas on the formal introduction of such an institution. Ultimately, the author supports the idea of formally introducing the institution of deprivation of citizenship, which should exclude the actual substitution of concepts that is currently taking place. The author sees the complication of the relevant procedure in order to curb abuses as a prerequisite for the deprivation of citizenship. A complete rejection of this institution is justified as impractical and impossible due to the need to protect the constitutional interests of the country.

Keywords: citizenship, Convention on the Reduction of Statelessness, deprivation of citizenship, cancellation of the decision on admission to citizenship, termination of citizenship

Введение

Лишение гражданства, хотя в целом и является допустимым в исключительных случаях, однако международным правом не поощряется. Более того, и в современном российском законодательстве отрицается возможность

лишения человека гражданства, причем эта идея получила закрепление на уровне Основного Закона страны – в Конституции РФ [1]. И, казалось бы, такое закрепление позволило исключить возможность лишения индивида гражданства.

Тем не менее, отдельные нормы федерального законодательства свидетельствуют о наличии такой возможности и её фактическом применении, в связи с чем данная проблема нуждается в особо тщательном анализе, причём именно в аспекте международного права, которое так или иначе принимается Российской Федерацией за ориентир в ее правовом развитии.

Основная часть

Фактически занимающая главенствующее положение в иерархии международных документов Всеобщая декларация прав человека [2] в ст. 15 провозглашает право каждого человека на гражданство, а также невозможность произвольного лишения своего гражданства или права на изменение гражданства. Данные идеи ни коим образом не ставятся под сомнение как в нормах национального законодательства, так и в правоприменительной практике. Во всяком случае, формально указанные положения признаются на уровне национального правового регулирования. Поэтому можно уверенное полагать, что указанные идеи создают определённый фундамент для правовой охраны и защиты прав человека и гражданина.

Аналогичного характера идеи содержатся и во множестве других международных документов, в том числе в документах ООН, действующих в глобальном масштабе. При этом основной их вектор характеризуется нацеленностью на исключение или по крайней мере, на сокращение количества фактов оставления человека без какого-либо гражданства. В этой связи уместно обратиться к принятой в 1961 году Конвенции о сокращении безгражданства [3]. Её можно считать специальным документом, призванным разрешать ключевые проблемы, которые так или иначе связаны с лишением гражданства.

Первоочередное внимание стоит обратить на ст. 8 Конвенции, которая гласит, в частности, что «никакое Договаривающееся Государство не должно лишать никакое лицо своего гражданства, если такое лишение сделало бы это лицо апатридом».

Вместе с тем, ст. 7 и 8 Конвенции допускаются возможность лишения гражданства в отдельных исключительных случаях, а именно:

1) если гражданство было приобретено в результате сообщения ложных сведений или в результате обмана;

2) ввиду проживания натурализованного лица за границей в течение установленного законом срока, который не должен быть менее 7 последовательных лет, если не заявит надлежащему органу власти о своем желании сохранить свое гражданство;

3) если гражданин, рожденный за пределами территории Государства, после достижения им совершеннолетия в течение год не исполнил условие о проживании в это время на территории этого Государства или регистрации у надлежащего органа власти (если такое условие предусмотрено законом).

Иные международные документы, затрагивающие вопросы лишения гражданства, в данном случае особого интереса не представляют. Здесь вполне достаточно тех положений, которые отражены выше, и на них стоит обратить особое внимание.

Так, приобретение гражданства в результате сообщения ложных сведений является, пожалуй, центральным основанием, при наличии которого индивид может быть лишён гражданства. Думается, что такой подход совершенно обоснованный и не требует пересмотра, ведь фактически при предоставлении ложных сведений речь идёт о том, что субъект, не имеющий права на гражданство, его получает, и очевидно, что в случае лишения его гражданства по рассматриваемому основанию он возвращается в прежнее состояние. Это логично, правомерно, справедливо.

Немаловажным основанием является и проживание натурализованного лица за рубежом на протяжении более чем 7 лет последовательно. При этом обязательным условием является несообщение гражданином соответствующему государству о желании сохранить своё прежнее гражданство. Данное основание весьма спорно, поскольку причины, ввиду которых лицо находится за рубежом и в том числе, не имеет возможности сообщить государству своей гражданской принадлежности о желании сохранить гражданство могут быть совершенно различны.

Весьма интересным является и условие, исходя из которого достигший совершеннолетия гражданин должен заявить о своём желании сохранить гражданство. Но во всех этих случаях становится совершенно очевидной одна особенность: это неравенство гражданства, поскольку такое основание, как натурализация, определённо расширяет возможности для лишения индивида гражданства, во всяком случае, на международном уровне.

В определённом смысле продолжением международно-правового регулирования являются и нормы национального законодательства. В России таковые нормы закреплены прежде всего в Основном Законе страны – Конституции РФ, ч. 3 ст. 6 которой гласит, что гражданин Российской Федерации не может быть лишён своего гражданства или права изменить его. То есть в данной норме видится прямое дублирование нормы, получившей закрепление на международном уровне. Это положение свидетельствует, во-первых, о признании Россией соответствующих международно-правовых гарантий в части регулирования гражданства; во-вторых, о принятии определённых рамок и ориентиров, которые так или иначе касаются решения вопроса о лишении гражданства.

Здесь весьма примечателен терминологический аспект: с одной стороны, российский законодатель устанавливает прямой и максимально конкретный запрет лишать индивида гражданства. Отсутствие же в Конституции РФ каких-либо оговорок по этому поводу может быть расценено как недопустимость при

любых обстоятельствах пересматривать вопрос о наличии у индивида гражданства. С другой стороны, при обращении к отдельным федеральным законам становится совершенно ясно, что вопрос лишения гражданства решается не столь однозначно, как этого можно было бы ожидать, и проблема заключается именно в используемой терминологии.

В Федеральном законе от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон о гражданстве) содержится ст. 22, оговаривающая в том числе и основания прекращения российского гражданства, к коим отнесены:

- 1) добровольный выход из гражданства;
- 2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать российское законодательство, выразившееся в том числе:
 - а) в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление);
 - б) в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации;
 - в) в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет;
- 3) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение по поводу гражданства.

Таким образом, становится понятным, что один из источников проблемы – отсутствие единообразия в вопросах использования терминологии. То есть лишение гражданства невозможно, однако его прекращение, в том числе вопреки воле самого гражданина, вполне допускается. В этом видятся определенные противоречия.

В указанных нормах нельзя не усмотреть массу рисков для тех граждан, которые получили соответствующее гражданство не по рождению. Ведь какие-либо ошибки в правоприменительной практике нельзя исключить полностью, в

том числе судебные, а это означает, что признание лица виновным в совершении преступления, а в некоторых случаях и совершении административного правонарушения может быть поднят вопрос о фактическом лишении его гражданства, которое де-юре будет именоваться не лишением, а прекращением.

Помимо того, обозначенные выше основания дают повод задуматься и о равенстве гражданства независимо от оснований его приобретения, ведь фактически такое равенство декларируется на законодательном уровне, однако в обозначенных основаниях очевиден отход законодателя от данного принципа равенства.

Надо сказать, что неоднократно вопросы гражданства, в том числе касающиеся оснований его прекращения, рассматривались Конституционным Судом РФ. Субъекты указывали на несоответствие тех или иных норм как конституционным положениям, так и принципам и нормам международного права. Однако Конституционный Суд каких-либо несоответствий не усматривал. Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О было отмечено, что Всеобщая декларация прав человека запрещает лишь произвольное лишение гражданства, но в целом такую возможность для каждого государства оставляет. В конечном итоге так он сделал вывод, что «определение оснований и условий как для приобретения, так и для прекращения российского гражданства относится к прерогативе федерального законодателя» [5].

В Определении Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О [6] была отмечена невозможность отождествления гражданства (ввиду предоставления ложных сведений) и лишения гражданства.

То есть Конституционный Суд РФ, как и в целом российская правовая система, отрицает идентичность указанных терминов. Вместе с тем в литературе указанные термины рассматриваются зачастую как взаимозаменяемые, особенно с учётом того, что нормы, которые бы обозначали именно чёткие различия между ними, причём обоснованно, в настоящее время отсутствуют [7, с. 80–81].

Не способствуют выработке единого терминологического аппарата и постоянные преобразования в сфере законодательства в целом и законодательства о гражданстве в частности. И если на проблему смотреть с научной точки зрения, то имеет место совершенно однозначная подмена понятий [10, с. 170]. Для устранения таких несоответствий в науке даже высказывается идея о том, чтобы формально закрепить институт лишения гражданства [8, с. 143].

Пока же государство нашло способ решения проблемы, которая так или иначе связана с лишением гражданства. Причём фактическому сохранению института лишения гражданства есть вполне чёткие аргументы в частности, необходимость защиты государственного суверенитета и прочих особо значимых ценностей [9, с. 60].

Заключение

Таким образом, институт лишения гражданства де-юре в России отсутствует и запрещён на конституционном уровне, однако де-факто он имеет место быть и отчасти отождествляется с прекращением гражданства по определенным основаниям. При этом аргументы существования этого института имеются вполне конкретные: во-первых, международным правом в исключительных случаях допускается лишение гражданства; во-вторых, некоторые случаи прекращения гражданства по отдельным основаниям для де-факто являются случаями лишения гражданства. В связи с этим есть необходимость законодательной регламентации терминов, которые касаются лишения гражданства.

Соответственно

Думается, что вполне уместно рассмотреть идею о прямом закреплении норм о лишении гражданства. Однако, как мы полагаем, порядок лишения гражданства должен быть усложнён в целях пресечения возможности злоупотребления данным инструментом.

Есть смысл пересмотреть ч. 3 ст. 6 Конституции РФ, дополнив ее оговоркой о возможности лишения гражданства в случае совершения отдельных категорий особо тяжких преступлений. Также целесообразно дополнить Федеральный закон о гражданстве нормой, конкретизирующей суть лишения гражданства, под которым следует понимать прекращение гражданства в принудительном порядке (вопреки воле гражданина) по решению суда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.07.2025).
3. Конвенция о сокращении безгражданства (принята 30.08.1961) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 29.07.2025).
4. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Усманова Бахтиера Касымжановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики

Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Воронина О.В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 79–84.

8. Кетова Л.П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 140–144.

9. Пронякина С.Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 59–73.

10. Саттаров В.Д., Семенов А.В. Лишение гражданства в теории и практике конституционного права // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1(44). С. 167–171.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948) // Oficial'ny'j portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashheniya: 29.07.2025).

3. Konvenciya o sokrashhenii bezgrazhdanstva (prinyata 30.08.1961) // Oficial'ny'j portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (data obrashheniya: 29.07.2025).

4. Federal'ny'j zakon ot 28.04.2023 № 138-FZ (red. ot 07.07.2025) «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. № 18. St. 3215.

5. Opređenje Konstitucionnog Suda RF ot 15.01.2019 № 2-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` Usmanova Baxtiera Kasy`mzhanovicha na narushenie ego konstitucionny`x prav chastyami pervoj i vtoroj stat`i 22 Federal`nogo zakona O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Opređenje Konstitucionnog Suda RF ot 11.02.2021 № 183-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Verxovnogo Suda Respubliki Kareliya o proverke konstitucionnosti chasti vtoroj stat`i 22 Federal`nogo zakona O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
7. Voronina O.V. Novelly` instituta prekrashheniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2023. № 3. S. 79–84.
8. Ketova L.P. Institut lisheniya grazhdanstva v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 7(223). S. 140–144.
9. Pronyakina S.Yu. Lishenie grazhdanstva kak osoboe osnovanie prekrashheniya pravovoj svyazi s gosudarstvom // Yuridicheskie issledovaniya. 2021. № 10. S. 59–73.
10. Sattarov V.D., Semenov A.V. Lishenie grazhdanstva v teorii i praktike konstitucionnogo prava // Vestnik Permskogo instituta Federal`noj sluzhby` ispolneniya nakazanij. 2022. № 1(44). S. 167–171.

Научная статья

УДК 341

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ

**Ло Цзы-Ин, Ph.D., Департамент уголовного правосудия и внутренней безопасности, Колледж профессиональных исследований им. Лесли Х. и Уильяма Л. Коллинза, Университет Сент-Джонс, Квинс, Нью-Йорк, США,
lozyin.jst@icloud.com**

Аннотация

В статье анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с международно-правовым регулированием статуса искусственных островов. Понятие искусственного острова упоминается как в источниках международного права, так и в источниках федерального законодательства, что даёт почву для анализа данной проблематики. Одновременно с этим возникают сложности, обусловленные отсутствием единообразной терминологии в сфере морского права и на уровне внутреннего законодательства, и на уровне международно-правового регулирования. Некоторые причины возникновения трудностей и недостатков правового регулирования статуса искусственных островов автор связывает с невысоким уровнем развития этой сферы международного и национального права, поскольку научно-технический прогресс в части создания искусственных островов существенно опережает прогресс в плане правового развития. Учитывая это, автор подчёркивает важность преодоления отставания в рассматриваемой сфере правового регулирования как на национальном уровне, так и на уровне международного права. В статье также затрагивается вопрос о потенциальной возможности разработки технологий создания искусственных островов, которые могут осложнить применение к ним норм международного права в существующем варианте. Это обстоятельство приводится в качестве одного из аргументов в пользу кардинальных преобразований в рассматриваемой сфере международно-правового регулирования.

Ключевые слова: исключительная экономическая зона, искусственные острова, Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне, Конвенция ООН по морскому праву, правовой статус искусственных островов, территория государства

Original article

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS

**Tzu-Ying Lo, Ph.D., Department of Criminal Justice and Homeland Security,
Lesley H. and William L. Collins College of Professional Studies, St. John's
University, Queens, New York, USA**

Abstract

The article analyzes some topical issues related to the international legal regulation of the status of artificial islands. The concept of an artificial island is mentioned both in the sources of international law and in the sources of federal legislation, which provides the basis for the analysis of this issue. At the same time, difficulties arise due to the lack of uniform terminology in the field of maritime law both at the level of domestic legislation and at the level of international legal regulation. The author attributes some of the reasons for the difficulties and shortcomings of the legal regulation of the status of artificial islands to the low level of development of this area of international and national law, since scientific and technological progress in the creation of artificial islands is significantly ahead of progress in terms of legal development. Taking this into account, the author emphasizes the importance of overcoming the lag in the field of legal regulation under consideration both at the national level and at the level of international law. The article also raises the issue of the potential development of technologies for creating artificial islands, which may complicate the application of international law to them in the existing version. This circumstance is cited as one of the arguments in favor of fundamental transformations in the field of international legal regulation under consideration.

Keywords: exclusive economic zone, artificial islands, Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone, United Nations Convention on the Law of the Sea, legal status of artificial islands, territory of the state

Введение

Научно-технический прогресс к настоящему времени достиг такого уровня, что позволяет создавать искусственные острова, которые во многом аналогичны островам естественным, но имеют свою специфику, а потому вопросы определения правового режима требуют особого внимания. При этом международное право в части определения статуса указанных объектов можно считать далёким от совершенства, что в значительной степени актуализирует выбранную тему.

Трудности в решении проблемы определения международно-правового статуса искусственных островов опосредуются несогласованностью норм законодательства разных государств, а обеспечить такую согласованность на сегодняшний день пока невозможно, особенно с учётом того, что даже само понятие «искусственный остров» остаётся предметом острых дискуссий.

По изложенным причинам имеется необходимость оценить состояние современного международного права с точки зрения регулирования статуса искусственных островов, определить возможные направления и перспективы его развития.

Основная часть

Вопросам регулирования статуса искусственных островов посвящены нормы и национального законодательства, и международного права, потому необходимо рассмотреть как одни, так и другие. И в первую очередь выделим Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» [3], содержащий ст. 4.1, посвященную именно вопросам искусственных островов, установок и сооружений, но именно во внутренних

морских водах и в территориальном море Российской Федерации. В ч. 1 статьи говорится, что «под искусственными островами понимаются стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения во внутренних морских водах, в территориальном море Российской Федерации объекты (искусственно сооруженные конструкции), имеющие намывное, насыпное, свайное и (или) иные неплавучие опорные основания, выступающие над поверхностью воды при максимальном приливе».

То есть данное определение формирует достаточно конкретное представление о том, чем же является и де-юре, и де-факто искусственный остров.

Стоит отметить на наличие принципиального отличия острова от установок и сооружений, которые могут быть не только стационарно, но и гибко закреплены, являясь стационарными или плавучими (подвижными), а также подводными.

Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в ст. 3 содержит понятие искусственного земельного участка, созданного на водном объекте. Под таким участком понимается «сооружение, создаваемое на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, или его части путем намыва или отсыпки донного грунта либо использования иных технологий и признаваемое после ввода его в эксплуатацию также земельным участком». При этом искусственно созданный земельный участок может прилегать к существующим земельным участкам или быть изолированным от них. В этом случае уже становятся очевидны некоторые терминологические различия. Они обусловлены хотя бы тем, что законодатель именно в данном случае не уточняет, что такой участок может сам по себе именоваться островом.

Но поскольку данная работа посвящена именно аспектам международного права, то более детально анализировать указанное определение не представляется нужным. Однако саму проблему обозначить будет не лишним.

Вообще надо сказать об обилии терминов, которые используются для обозначения искусственных островов и близких им объектов. Например, используются такие выражения, как:

- наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения;
- прибрежные установки;
- установки;
- сооружения;
- конструкции и оборудование [5, с. 45].

Обратимся к Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне [2], ст. 8 которой упоминает при определении границ территориального моря наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения, которые являются составной частью системы данного порта, рассматриваются как часть берега. Упоминания об искусственных островах там нет, что же касается портовых сооружений, то искусственный остров к таковым не относится, поэтому в части регулирования статуса искусственных островов указанная Конвенция содержит пробел.

В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1] имеются нормы, посвященные режиму как естественных, так и искусственных островов. Согласно ст. 121, остров представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе.

В ст. 60 отмечается, что прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет исключительное право сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование:

- искусственных островов;
- установок и сооружений для экономических целей;

- установок и сооружений, которые могут препятствовать осуществлению прав прибрежного государства в зоне.

Прибрежное государство имеет исключительную юрисдикцию над такими искусственными островами, установками и сооружениями, в том числе юрисдикцию в отношении таможенных, фискальных, санитарных и иммиграционных законов и правил, а также законов и правил, касающихся безопасности. С учётом изложенного становятся очевидны весьма существенные сходства искусственных островов с установками и сооружениями, хотя они принципиально друг от друга отличаются и по техническим характеристикам, и по своей правовой природе.

Рассматриваемая конвенция предписывает надлежащим образом оповещать о создании искусственных островов, также не допускать, чтобы они оставались в неисправном виде, неиспользуемыми или покинутыми. В подобного рода случаях возникает обязательство их убрать в целях обеспечения безопасности судоходства. Причём обязательным является учёт интересов рыболовства, защиты морской среды, прав и обязанностей других стран. Перечисленные требования продиктованы тем, что создание искусственного острова, как и его эксплуатация, затрагивает сферу интересов не только государства, которое его создаёт, но и зачастую других государств, особенно с учётом того, что море является общим.

Ч. 8 ст. 60 предусматривает, что искусственные острова, установки и сооружения не обладают статусом островов. Они не имеют своего территориального моря, и их наличие не влияет на определение границ территориального моря, исключительной экономической зоны или континентального шельфа. В этом состоит специфика искусственного острова и его принципиальное отличие от острова естественного. Хотя нельзя исключить, что в дальнейшем такой взгляд на искусственные острова может быть пересмотрен.

Стоит подчеркнуть, что на международном уровне вопросы правового регулирования статуса искусственных островов требуют более основательного подхода, особенно с учётом того, что имеющиеся в Конвенции 1982 г. основания разграничения требуют уточнения. В литературе их предлагается конкретизировать на уровне национального законодательства Российской Федерации. При этом в числе признаков искусственного острова можно обозначить его постоянную физическую связь с морским дном, его особенность как рукотворного поднятия морского дна [5, с. 56].

Примечательно, что Конвенция 1982 г. принципиально не различает установки сооружения, устройства, оборудование, исходя из чего в литературе делается вывод о наличии некоего единого конвенционного понятия [5, с. 56]. Отсюда и определённые сложности в отграничении искусственного острова от указанных объектов.

Определённые сложности в правовом регулировании статуса искусственного острова связаны с многообразием технологий, методов, материалов, которые используются для их создания. В литературе в этой связи выделяются традиционные и инновационные методы. Причём традиционные базируются на технологии отсыпки с использованием грунтового, свайного, шестироидного и мусорного материала; инновационные методы базируются на такой технологии строительства, как намыв, при этом материал может использоваться вулканический, габионный, мусорный, ледяной [6, с. 235].

Основными лимитирующими факторами при создании искусственных островов являются рентабельность и возникающие экологические проблемы. Вместе с тем последние стимулируют совершенствование методов создания искусственных островов, в основу которых ложится эколого-экономическая эффективность. Это в свою очередь позволяет задачам, возлагаемым на искусственные острова, выйти на новый уровень в контексте концепции устойчивого развития [6, с. 237]. Это свидетельствует о том, что в обозримой перспективе вполне могут возникнуть иные технологии, которые не

охватываются нормами международного права или национального законодательства, а потому важно эти нюансы учитывать в рамках разработки мер совершенствования правового регулирования.

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя не затронуть ещё одного весьма существенного нюанса: Конвенции 1982 г. и Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. формально не распространяются на искусственные острова, что следует из отсутствия в тексте соответствующих статей термина «искусственные острова», хотя в этих статьях сделан акцент именно на покинутых и более не эксплуатируемых «установках», «сооружениях». Потому пробелом в международном праве является вопрос об обязанности государства «рекультивировать» морское дно, если данное государство более не использует ранее созданный искусственный остров, особенно в общем контексте современной «экологизации» международного права [7, с. 19].

Заключение

Таким образом, международно-правовое регулирование статуса искусственных островов пока остаётся на относительно невысоком уровне развития, и эту сферу регулирования важно развивать, адаптируя к существующему уровню развития технологий, позволяющих создавать искусственные острова.

Нельзя исключить, что в ближайшем будущем могут быть разработаны какие-либо новые технологии создания искусственных островов, в условиях которых осложнятся возможности применения существующих норм международного права к вновь создаваемым островам. Поэтому международное сообщество, обеспечивающее регулирование данной сферы отношений, должно быть к этому готово.

Вопросы статуса искусственных островов должны быть более детально урегулированы на международном уровне, в том числе с учётом известных технологий создания искусственных островов. Для целей обеспечения такого

регулирования в нормативном определении искусственного острова есть необходимость перечисления тех известных технологий, посредством которых такой остров может быть создан.

Список литературы

1. Конвенция ООН по морскому праву (принята в г. Монтего-Бей 10.12.1982) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дат обращения: 20.07.2025).
2. Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне (принята в г. Женева 29.04.1958) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 43.
3. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 42–57.
6. Иванов А.Н., Кобзева Ю.А. Географические аспекты создания искусственных островов // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природа, население, хозяйство территорий: сб. тр. конф. (г. Владивосток, 02–23 апреля 2021 г.). Владивосток, 2021. С. 234-238.
7. Крымская К.В. Современный международно-правовой режим искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 203 с.

References

1. Konvenciya OON po morskemu pravu (prinyata v g. Montego-Bej 10.12.1982) // Oficial'nyj portal OON. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (dat obrashheniya: 20.07.2025).
2. Konvenciya o territorial'nom more i prilezhashhej zone (prinyata v g. Zheneva 29.04.1958) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1964. № 43.
3. Federal'nyj zakon ot 31.07.1998 № 155-FZ (red. ot 19.10.2023) «O vnutrennix morskix vodax, territorial'nom more i prilezhashhej zone Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 19.07.2011 № 246-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob iskusstvennyx zemel'nyx uchastkax, sozdannyx na vodnyx ob'ektax, naxodyashhixsya v federal'noj sobstvennosti, i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Vy'legzhanin A.N., Kry'mskaya K.V. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim iskusstvennyx ostrovov i iny'x stacionarny'x konstrukcij v more // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2018. № 2. S. 42–57.
6. Ivanov A.N., Kobzeva Yu.A. Geograficheskie aspekty' sozdaniya iskusstvennyx ostrovov // Geosistemy Severo-Vostochnoj Azii: priroda, naselenie, xozyajstvo territorij: sb. tr. konf. (g. Vladivostok, 02–23 aprelya 2021 g.). Vladivostok, 2021. S. 234-238.
7. Kry'mskaya K.V. Sovremennyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim iskusstvennyx ostrovov, ustanovok i sooruzhenij na kontinental'nom shel'fe: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021. 203 s.

Научная статья

УДК 341.24

НЕРАТИФИЦИРОВАННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОРА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ

**Кларк Валери, Ph.D., Департамент исправительных учреждений
Миннесоты, Сент-Пол, Миннесота, США, valclark.mndept@mail.ru**

Аннотация

Цель статьи – уточнение юридического статуса нератифицированного международного договора с позиции признания (непризнания) юридической силы. Первоначально в ней рассматриваются положения Федерального закона «О международных договорах» в контексте вопроса ратификации, отмечается неоднозначность использования указанного термина и наличие синонимов – «утверждение», «принятие», «присоединение». Ратификация характеризуется как важнейшее условие вступления международного договора, особенно применительно к договорам, регламентирующим наиболее значимые аспекты правоотношений, в том числе права человека, разграничение территорий, участие в международных организациях и регулирование международных отношений. Центральная проблема связана с возможностью (невозможностью) применения норм договоров, не прошедших процедуру ратификации. Конституционный Суд РФ в этом плане продемонстрировал принципиально разные позиции, когда в 2012 год допустил возможность применения нератифицированного договора, а в 2020 года исключил такую возможность, но уже применительно к иной сфере правоотношений. Авторам даётся собственная оценка такого пересмотра официальных взглядов на значимость ратификации. Рассматриваются и положения Венской конвенции о праве международных договоров, а также некоторые другие международные документы. Делаются выводы о правовой роли ратификации и силе нератифицированного международного договора.

Ключевые слова: Венская конвенция, нератифицированный договор, отказ от ратификации договора, ратификация, ратифицированный договор, юридическая сила международного договора

Original article

NON-RATIFIED INTERNATIONAL TREATIES: CONTROVERSIAL ISSUES OF LEGAL FORCE ASSESSMENT

**Valerie Clark, Ph.D., Minnesota Department of Corrections, Saint Paul,
Minnesota, USA**

Abstract

The purpose of the article is to clarify the legal status of an unratified international treaty from the standpoint of recognition (non–recognition) of legal force. Initially, it examines the provisions of the Federal Law "On International Treaties" in the context of the issue of ratification, notes the ambiguity of the use of the term and the presence of synonyms – "approval", "acceptance", "accession". Ratification is characterized as the most important condition for the entry into force of an international treaty, especially in relation to treaties regulating the most significant aspects of legal relations, including human rights, territorial delimitation, participation in international organizations and regulation of international relations. The central problem is related to the possibility (impossibility) of applying the norms of treaties that have not passed the ratification procedure. The Constitutional Court of the Russian Federation demonstrated fundamentally different positions in this regard, when in 2012 it allowed the possibility of applying an unratified treaty, and in 2020 it excluded such a possibility, but in relation to a different sphere of legal relations. The authors give their own assessment of this revision of official views on the importance of ratification. The provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties, as well as some other international documents, are also considered. Conclusions are drawn about the legal role of ratification and the force of the non-ratified international treaty.

Keywords: Vienna Convention, non-ratified treaty, refusal to ratify a treaty, ratification, ratified treaty, legal force of an international treaty

Введение

Ратификацию и в доктрине права, и в национальном законодательстве, и в международном праве принято рассматривать как закономерный итог заключения международного договора. Она отражает не только реальность намерений сторон исполнять принятые на себя обязательства, но и является условием признания за соответствующим международным договором бесспорной юридической силы. Более того, факт ратификации становится и важным условием для применения конкретного международного договора при разрешении споров в судебном порядке.

Тем не менее, не каждый договор международного уровня проходит процедуру ратификации. Некоторые из них остаются не ратифицированными на протяжении многих лет, а то и десятилетий, порождая оживлённые дискуссии и в науке, и в сообществе правоприменителей, и в среде законодателей. Ситуация осложняется неоднозначностью статуса нератифицированных договоров.

Целью статьи является уточнение юридического статуса нератифицированного международного договора с позиции признания (непризнания) юридической силы.

Основная часть

Первоначально необходимо уточнить правовой смысл понятия «ратификация». В ст. 2 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» [3] он трактуется в качестве формы, посредством которой государство выражает своё согласие на обязательность для него международного договора. Причём в той же норме в качестве синонимов ратификации упоминаются и такие термины, как «утверждение», «принятие» и «присоединение». Причём все четыре понятия

используются в зависимости от случая. То есть значение ратификации здесь раскрыто вполне конкретно.

При обращении к ст. 6 указанного Федерального закона становится очевидно, что ратификация является лишь одним из множества способов выражения официального согласия на признание обязательности международного договора. И исходя из конституционных норм и положений ст. 14 данного Федерального закона, де-юре ратификация оформляется посредством принятия специального федерального закона.

Надо сказать, что круг международных договоров, которые подлежат ратификации, конкретизирован в ст. 15 рассматриваемого Федерального закона. В него включены наиболее значимые категории международно-правовых соглашений, затрагивающих такие стороны общественной и государственной жизни, как:

- права и свободы человека и гражданина;
- разграничение территорий;
- регламентация межгосударственных отношений;
- участие в международных организациях.

Однако в рассматриваемом Федеральном законе признается возможность временного применения международного договора как в целом, так и в части до его вступления в законную силу, то есть, как надо полагать, до ратификации. Эта возможность порождает некоторые вопросы относительно правового статуса и юридической силы соответствующих международных договоров, которые не прошли процедуру ратификации.

Определённые вопросы порождает и ст. 24 рассматриваемого Федерального закона, которая признает международные договоры вступившими в силу для России в порядке и сроки, предусмотренные в соответствующем договоре или согласованные договаривающимися сторонами, но именно в соответствии с данным федеральным законом. Из этого не вполне понятны и

прочие нюансы, связанные с оценкой юридической силы нератифицированных договоров.

В свете сказанного стоит обратиться к позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), которую он изложил в своем Определении № 2867-О-Р от 24.12.2020 [4]. Указанный документ представляется крайне интересным тем, что в нём затрагивается не только аспект конституционности норм закона, позволяющих применять не вступивший в силу международный договор, но и даются некоторые пояснения относительно Постановления КС РФ от 27.03.2012 № 8-П. Здесь стоит напомнить, что в 2012 г. КС РФ сформулировал позицию, исходя из которой, не вступившие в силу международные договоры допускается применять, даже если они затрагивают права и свободы человека и гражданина, устанавливают иные правила, чем предусмотрено законом.

В 2020 г. вновь возникла необходимость конкретизировать данные ранее разъяснения, однако вопрос касался уже не прав и свобод человека и гражданина, а возможности временного применения норм международного договора, не вступившего в законную силу, предусматривающих передачу споров между Россией и зарубежными инвесторами на рассмотрение международного арбитража. Это одновременно означает и исключение соответствующих споров из юрисдикции российских судов. В этой связи КС РФ однозначно указал на недопустимость применения подобного рода международных договоров именно ввиду непрохождения ими процедуры ратификации.

Полагаем, что такой взгляд на проблематику нератифицированных международных договоров характеризуется некоторой неоднозначностью. Фактически КС РФ допустил применение разных подходов к разрешению пусть и не полностью идентичных, но, тем не менее, близких друг другу по своему характеру ситуаций.

Конечно, более убедительной представляется последняя позиция КС РФЮ особенно если иметь ввиду, что смысл ратификации состоит в выражении согласия государства на применение соответствующего международного

договора. И в таком случае отсутствие ратификации означает и отсутствие соответствующего согласия. Отсюда возникает закономерный вопрос: на каких основаниях в полной мере не одобренный международный договор должен или может применяться в России? Поэтому думается, что сами нормы о возможности применения международного договора до вступления его в силу не имеют под собой чётких конституционно-правовых оснований, по крайней мере на уровне национального законодательства.

А имеются ли четкие международно-правовые основания для признания юридической силы нератифицированного международного договора? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к Венской конвенции о праве международных договоров [1], которая демонстрирует в целом тот же подход, который отражён и в нормах российского законодательства, в том числе, упоминая синонимы понятия «ратификация».

В ст. 27 указывается на отсутствие права у государства ссылаться на своё внутреннее законодательство, оправдывая тем самым неисполнение международного договора. То есть, исходя из смысла норм международного права, вопрос ратификации должен регулироваться именно на международном уровне.

Нельзя не обратить внимание и на Руководство ООН по международным договорам [2]. Исходя из позиции ООН, отражённой в указанном документе, временное применение договора возможно, даже если он не вступил в законную силу. Речь в данном случае ведётся именно о нератифицированных соглашениях. Причём их исполнение именуется именно односторонним актом соответствующего государства. Это означает, что ни кто не может понудить государство к исполнению договора, который не прошёл процедуру ратификации.

То есть создаётся весьма противоречивая ситуация, когда имеет место быть договор, но государство не обязано его выполнять. Во всяком случае, к тому есть вполне конкретные формальные основания. Более того, документ о

ратификации, по сути, является внутренним, и исходя из тех же положений Венской конвенции, не имеет значения для решения вопроса о юридической силе соответствующего международного договора. С другой стороны, и нормы международного права допускают применение нератифицированного договора. А если ведётся речь о применении какого-либо документа, то однозначно можно утверждать о том, что он так или иначе имеет юридическое значение, юридическую силу.

В этой связи стоит обратиться к трудам российских исследователей, которые рассматривали данную проблематику.

Так, Я. Овсянникова подчёркивает использование отказа от ратификации в качестве инструмента, позволяющего уклоняться от ответственности в связи с международными обязательствами [6]. Думается, что сохранение международного договора нератифицированным действительно даёт много возможностей для обеспечения гибкости при ведении международной политики, ведь государству никто не препятствует исполнять взятые на себя в соответствии с международным договором обязательства, при том отсутствует юридическая возможность привлечь к ответственности. Одновременно с этим государство поддерживает позитивный характер отношений с соответствующими международными партнёрами, заключая договоры, даже если не намерено их исполнять.

Однако проблема в том, что в международном праве действует принцип взаимности. В каких-то случаях он применяется гласно, в каких-то – негласно. И в этой связи отказ от ратификации одной страной может стать причиной отказа от ратификации договора другой страной. Конечно, в таких условиях плодотворные международные отношения развиваться не могут, а если и могут, то с определёнными ограничениями. В конечном итоге всегда возникает вопрос о том, насколько легитимным является исполнение договора, который процедуру ратификации не прошёл. Причём речь может идти не только о спорах с иностранными организациями, гражданами или государствами. Отказ от

ратификации международного договора может негативно отразиться и на интересах самого государства, отказывающегося от ратификации.

Соответственно, нератификация договора является постоянно действующей предпосылкой для возникновения самых разных споров. И надо сказать, что споры порождаются не только самим фактом отсутствия ратификации касательно отдельных международных договоров, но и некоторой противоречивостью норм международного права и национального законодательства в части оценки правового статуса нератифицированного договора.

Проблема заключается даже в том, что единообразная терминология отсутствует. Ведь, например, ст. 11 венской конвенции. Фактически приравнивает подписание договора к ратификации, поскольку и в 1, и во 2 случае государство выражает обязательность для него. Соответствующего договора. 1 с другой. С другой стороны, это принципиально разные юридические процедуры. Подписание осуществляется на международном уровне. И в целом отражает достижение определённых соглашений по тем или иным юридически значимым вопросам. Что же касается ратификации – это внутренний акт. Признание заключён подписанного ранее договора. В этой связи возникает вопрос о том, Каким образом так? Так возникает сомнение в возможности признания указанных понятий равнозначными.

В контексте изложенного уместно стоит согласиться с Овсянниковой. Подчёркивающий. Порождение нератифицированным договором Двойных стандартов и коллизий между исполнительной и законодательной властями. Ведь международный договор, как правило, заключают представители власти исполнительной вопрос же ратификации решается в рамках органов законодательной власти. И складывается ситуация, что В рамках 1 ветви власти. Государство приняло на себя обязательства, в рамках же другой такие обязательства отрицаются или игнорируются. И в этих условиях становится вполне закономерной тенденция нератификации договоров среди других стран.

Овсянникова.

Некоторые сомни так. Кто есть? Исходя из смысла. Действующего российского законодательства, международного права и российской судебной практики нет, нет возможности сделать однозначный вывод. О том, какова юридическая сила. Имеет ли юридическую силу? Нератифицированный. Международный договор. Полагаем, что да, но именно. В рамках международного права. Если же говорить о праве национальном, он, его юридическая сила, может попросту отрицаться. Двоеточие здесь вопрос решается исключительно по усмотрению соответствующих органов власти.

Сделать вывод об отсутствии юридической силы у нератифицированного международного договора не представляется возможным и по другой весьма веской причине. М.В. Батюшкина пишет, что ратифицируемый документ является самостоятельным текстом, который проходит символическую процедуру принятия и подписания до ратификации [5, с. 11]. И если учесть, что уполномоченные на то лица соответствующий документ подписали, приняли, то он, безусловно, имеет юридическую силу. Хотя такая юридическая сила и не подтверждена ратификацией.

Однако трудно не согласиться с С.А. Труниным в том, что акт ратификации имеет далеко идущие правовые последствия [7, с. 219]. Они могут заключаться в необходимости принятия, выполнения определённых обязательств, в том числе связанных с пересмотром судебной практики, реформированием национального законодательства и т.д. Поэтому нет оснований для утверждения о том, что ратификация имеет сугубо внутреннее значение.

Заключение

Таким образом, международный договор, даже не прошедший процедуру ратификации, имеет юридическую силу, признаваемую, по крайней мере, на международном уровне. Гарантом этой юридической силы являются подписи лиц, которые представляют государства в соответствующих международных отношениях. Более того, даже подписание международного договора в

документах ООН признается как принятие соответствующего договора наравне с ратификацией.

В связи с этим ратификация является дополнительным инструментом, обеспечивающим признание международного договора, причём именно на уровне национального законодательства. И если нератифицированный договор в связи с этим может быть расценен как не подлежащий применению, по крайней мере внутри страны, то в рамках правоотношений, базирующихся на ратифицированном договоре, возникают более весомые последствия.

Список литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23.05.1969) // Международное публичное право: сб. документов. В 2 т. Т. 1. М.: БЕК, 1996.
2. Руководство по международным договорам (подготовлено Договорной секцией Управления по правовым вопросам ООН) // Официальный интернет-портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (дата обращения: 05.07.2025).
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
4. Определение КС РФ от 24.12.2020 № 2867-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» // Портал КС РФ: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).
5. Батюшкина М.В. Ратифицирующие законы: функции – содержание – форма // Филологический вестник СурГПУ. 2020. № 1. С. 7–26.

6. Овсянникова Я. О феномене нератификации // Официальный интернет-портал МИД России. 12.10.2020. URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1443907/ (дата обращения: 05.07.2025).
7. Тронин С.А. Изменения международных норм при ратификации межгосударственных договоров // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 11А. С. 213-223.

References

1. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodny`x dogovorov (prinyata 23.05.1969) // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dokumentov. V 2 t. T. 1. M.: BEK, 1996.
2. Rukovodstvo po mezhdunarodny`m dogovoram (podgotovleno Dogovornoj sekciej Upravleniya po pravovy`m voprosam OON) // Oficial`ny`j internet-portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (data obrashheniya: 05.07.2025).
3. Federal`ny`j zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 08.12.2020) «O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 29. St. 2757.
4. Opredelenie KS RF ot 24.12.2020 № 2867-O-R «O raz``yasnenii Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2012 goda № 8-P po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat`i 23 Federal`nogo zakona «O mezhdunarodny`x dogovorax Rossijskoj Federacii» // Portal KS RF: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507357.pdf> (data obrashheniya: 05.07.2025).
5. Batyushkina M.V. Ratificiruyushhie zakony`: funkcii – sodержanie – forma // Filologicheskij vestnik SurGPU. 2020. № 1. S. 7–26.
6. Ovsyannikova Ya. O fenomene neratifikacii // Oficial`ny`j internet-portal MID России. 12.10.2020. URL:

https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1443907/ (data obrashheniya: 05.07.2025).

7. Tronin S.A. Izmeneniya mezhdunarodny`x norm pri ratifikacii mezhdunarodny`x dogovorov // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. Tom 13. № 11A. S. 213-223.

Научная статья

УДК 340.111.5

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

**Дайшутов Михаил Михайлович, к.ю.н., доцент, Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, Начальник кафедры уголовного права,
kslpov_mfsar@bk.ru**

Аннотация

Актуальность темы состоит в необходимости определения момента возникновения правоотношения не только в рамках теоретического анализа, но и в практической сфере, поскольку законодательство обобщённого ответа на вопрос о моменте не даёт. Предпринимая такую попытку, автор рассматривает подходы, используемые в законодательстве для определения момента возникновения отдельных правоотношения, указывая на разного рода факты, в том числе совершение определённых действий, заключение договора и пр. В литературе единообразие мнений о моменте возникновения правоотношений именно в рамках теории государства и права не выражено. При этом распространены совершенно разные взгляды относительно такого момента. Затрагивая вопрос в уголовно-правовом аспекте, автор экстраполирует разные взгляды по поводу момент порождения отношения на теорию государства и права, подчёркивая возможность признания моментом возникновения правоотношения совершения определённого деяния, установление определённого запрета, права или обязательство, принятие определённого юридически значимого документа и пр. Немаловажную роль в определении момента возникновения правоотношений играет волеизъявление, которое имеет место не только в конкретных фактах вступления субъекта в правоотношения, но и в случаях принятия юридических норм, что тоже рассматривается именно как волеизъявление. Также обосновывается объективная невозможность

установления момента применительно к возникновению отдельных правоотношений.

Ключевые слова: основания возникновения правоотношения, момент возникновения правоотношения, общественные правоотношения, прекращение правоотношения, юридический факт

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF DETERMINING THE MOMENT OF THE LEGAL RELATIONSHIP

**Daishutov Mikhail Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.Ya. Kikot, Head of the Department of Criminal Law**

Abstract

The relevance of the topic lies in the need to determine the moment of the emergence of a legal relationship not only within the framework of theoretical analysis, but also in the practical sphere, since legislation does not provide a generalized answer to the question of the moment. In making such an attempt, the author examines the approaches used in legislation to determine the moment when certain legal relationships arise, pointing out various kinds of facts, including the commission of certain actions, the conclusion of a contract, etc. In the literature, the uniformity of opinions about the moment of the emergence of legal relations is not expressed precisely within the framework of the theory of state and law. At the same time, there are completely different views about this moment. Touching upon the issue in the criminal law aspect, the author extrapolates different views on the moment of the origin of the relationship to the theory of state and law, emphasizing the possibility of recognizing the moment of the origin of a legal relationship as the commission of a certain act, the establishment of a certain prohibition, right or obligation, the adoption of a certain legally significant document, etc. An important role in determining the moment of the emergence of legal relations is played by the expression of will, which

takes place not only in the specific facts of the subject's entry into legal relations, but also in cases of adoption of legal norms, which is also considered precisely as a will. The objective impossibility of establishing the moment in relation to the emergence of individual legal relations is also substantiated.

Keywords: grounds for the emergence of a legal relationship, the moment of the emergence of a legal relationship, public legal relations, termination of a legal relationship, a legal fact

科学文章

争议问题的确定时刻，当一个法律关系出现了

Daishutov 米哈伊尔*米哈伊洛维奇博士在法律系副教授、诉你。 **Kikot** 莫斯科大学内务部的俄罗斯，头部门的刑事法律， kslpov_mfsar@bk.ru

注释

相关性的主题就在于要确定的时刻发生的法律关系不仅在框架的理论分析，但也在实际领域，因为法律不提供一个广义的答案的问题的时刻。 当作出这样的一种尝试，提交人认为所采用的方法在立法上的确定时刻的某种法律关系出现，指出各种各样的事实，包括委员会的某些行动，缔结一项合同，等等。 在文学、均匀性意见有关的那一刻出现的法律关系不表示确切的框架内，该理论的国家法律。 同时，完全不同的看法这样一个时刻十分普遍。 涉及这一问题的刑事法律方面，提交人推断不同的看法时刻的关系产生的理论的国家法律，强调可能性的认识委员会的某些行为，建立一定的禁止、权利或义务，通过一些具有法律效力的文件，等等。 重要的作用，在确定的时刻发生的法律关系是由表达意志，这不仅发生在特定事实的问题进入法律关系，而且还在案件通过的法律规范，这也被认为是一个表达的意愿。 它还证明的目标是不可能的建立立刻就出现了个人的法律关系。

关键词: 理由的法律关系时的法律关系、公共法律关系，终止法律关系中，法律事实

介绍

确定的时刻发生的法律关系是重要的，不仅对理论发展问题的法律关系，但也是从观点的做法的监管管制和执法，因为经常的选择标准在特定情况下取决于确切地说，在确定的时刻的某种法律关系出现了。

目前的立法不允许我们回答的许多问题与必要的精确度相关的时刻发生的法律关系的情况下，尤其在那里的事实或情况调解的法律关系不是很明显的一个原因或另一个。因此，相关的主题下审议不会引起任何怀疑提交人。

主要的部分

在有关事项确定的时刻发生的法律关系，这是习惯优先注意这种现象的一个法律事实，这不是偶然的，因为它是一个法律事实，它决定不仅出现一种法律关系，但也有其他方面有关的存在、悬浮液，更新、修改或终止的权利和义务的主题[pp.99%至 100]。就是说，一个法律实际上是一个不可分割的组成部分的法律关系，影响它不仅在一些方面，但也在一般。

在该上下文中说了些什么，也不可能不同意没有法律的事实，的法律规范仍然只是一个"记录在纸面上"，像语言的文本，以及法律关系本身无法产生在原则。换句话说，在没有法律的事实，该权利在原则上不工作、不实施[p. 99]。这使得我们密切关注这一现象的法律实际上精确的上下文中的确定时刻，当一个法律关系出现。

对于更多的视觉描述的现有问题，适当注意个别情况在这些社会法律关系产生的。例如，框架内的民事立法的特定法律关系可以产生：

-通过进入一个协议。

-造成的伤害；

申报债权，等等。

框架内的家庭法，具体的法律关系可以产生，特别是通过以下事实：

-国家注册的婚姻；

-离婚；

-孩子的分娩，等等。

这就是，在许多情况下，时刻发生的对应法律关系是很明显的，确定的时刻完成的特定事实上，有一个具体的固定的时间。因此，作为一项规则，不难确定时刻，当法律关系产生的框架内缔结的民事合同(本没有考虑到案件时难以确定的时刻，当合同订立的一个原因或另一个)。

该作用的一个法律实际上在出现一种法律关系是显而易见的和不会引起任何怀疑，反过来，这又使得它可能得出明确结论，它确定的作用的一个法律事实。因此，目前的承诺的一个法律事实以某种方式与相关的时刻，出现了一种法律关系。然而，这个问题变得不太清楚，当我们考虑这一法律事实可能并不总是记录在适当的精确度在时间。此外，在许多情况下，毫无疑问的他们固定在一种时刻，本身收到的某些法律上的认可和整合。

也就是说，在一些情况下，会出现问题，正是因为的含糊不清的时刻完成的非常实际上，产生特定法律关系。例如，这个问题的时刻发生的法律关系相关的造成的损害而受到赔偿根据与规范的民事立法不完全明确。

由于**主要焦点**，这篇文章是关于理论和法律的细微差别，这主要是需要参考的科学文献，以及不规范的现行法律，这在很大程度上是结果的发展的理论想法和法律实践。

N.P.Gerasimova, **分析**该问题出现了一种法律关系，强调存在两个潜在的可能的**方式**：

-**首先**，该法律关系本身可能出现的在通过决议时或生效的特定规则的法律；

-**其次**，在**某些法律的事实或实际的组成**[p. 78].

是的**框架内**，这样一个概念，通过一个规范和法律事实的区别作为不同的理由确定时刻的关系出现。因此，在这种情况下，这种方法确定的时刻发生的法律关系将是不同的。但是，你可以看看它有点不同。事实上，通过和生效的特定规范或其介绍在一个更新的形式只不过是一个法律事实。这一结论也是相关的情况下，这是一个问题的延迟**生效的法律规范**，因为拖延还有连接生效的规范的某些事实，例如，随着最后期限。

就是说，在这两种情况下，法律实际上将是至关重要的。**唯一的区别是**，在第一种情况下，事实是直接关系到采用或引进的法律规范。

鉴于上述，我们可以同意 N.P.Gerasimova 这些问题的出现，运作，并发展法律关系是非常矛盾的[p. 79]. 这意味着，在原则上完全不同的看法在这个问题的时刻，当一个法律关系的出现是可能的。

我必须说，这是极其困难的系统化的所有职位有关的确定时刻，当法律关系出现。框架内的这篇文章，这是小范围的，这样一个目标是不设置。然而，它是适当的，同意 O.S.Epifanov，谁，参照工作的各个作者。他强调了最常见的位置上审议的问题，但恰恰是在有关关系的一个刑事法律性质的基础上，这关系可被认为具有产生：

- 从目前实行的主题上有义务不从事某种行为(这正好是引入一项法律禁止);
- 从那一刻起启动一个刑事情况;
- 在当时的人是在作为被告;
- 在判刑时(因为这是一个复杂的法律结构);
- 当时生效的有罪判决[,p. 3-4].

这些观点通常可以外推的任何其他法律的关系。因此，出现了一种法律关系以外的刑事诉讼或刑事诉讼程序法的一般可能是相关的：

- 从那一刻，当一定的禁止义务或权利是建立的；
- 通过了一些具有法律效力的决定，包括通过管理局(代表管理局);
- 与委员会的某些具有法律效力的行动，包括通过某些法律措施。

Epifanov 还强调，该框架内的刑法原则，主导地位，刑法保护的法律关系确定的时刻的犯罪，那就是，行为包含所有的迹象的犯罪[,p. 3-4]. 如果我们推断这一结论的所有其他关系，然后前发生的法律关系可以由委员会确定的特定

行为，即一个行动或遗漏。然而，在任何情况下，我们将谈论的是一个具有法律效力的事实。

一个不能不同意 O.S.Epifanov，这个问题的解决方案的确定的时刻发生的法律关系主要是由于该意见的具体研究人员[,p.6]. 这就是，在原则上，不同的做法也是可能的，因此定义的时刻，是不相同的关于同一法律关系。

复杂性的确定时刻，在许多情况下是由于精确的事实，法律事实，如前所述，并不总是得到适当的纪录片或监管规定，并因此确定的时刻发生的法律关系往往决定之后的事实。

例如，在该领域的劳动关系确定的时刻，是一个非常成问题的任务，因为普遍做法是，时刻发生雇佣关系是相关的时刻准入的一名雇员执行劳动义务或有时作出适当的决定录取。在这方面，就业合同，这是法律起草并签署了由缔约方可以仅仅是缺席的。而且，如果存在合同时发生的雇用关系可以建立准确和可靠地，然后，当它涉及到承认的关系作为具有经出现了由于雇员的接纳，这个问题证明是有争议的[,p.11].

这个问题的时刻，一个前的合同关系的出现也是相当复杂。再次，如果它能够可靠地建立联系，该关系可以确定有足够的准确性[, p. 12]. 然而，当前的联系是不成立的，它是很难确定时刻的法律关系，特别是当它涉及到谈判的非正式性质。

然而，在文献中，有人试图确定尽可能准确的时刻，一个前的合同关系的出现。例如，O.诉 Shpoltakov 指示的时候，该缔约方收到的提议同意在本条款中规定的先前做出的提议。然而，这种观点也是非常有争议的，因为如果没有实际的联系，而这个问题只是忽略了或没有机会熟悉它就个人而言，它变得不完全清楚是否有法律关系会出现。为了说明这种情况，适当注意可能发送一个具有法律效力的文件以电子邮件地址收件人实际上没有访问或者不使用、发送短信到一个移动电话号码是没有用的，包括被非活跃等。换句话说，根据该办法在其立法者规范这些情况和事实。

一个相当有趣的观点是表明在工作 P.S.Zhernovnikova, 他特别关注的表示，没有这一法律关系不会出现。同时，以下标准的表达的将是确定：

- 该人是否有一个愿望进入一个关系(内部元件);
- 表达愿望之外；
- 接受对应方的一个人做了一个意志坚强的决策参与法律的关系；
- 对方是脸部表情的决定；
- 缔约方有平等的想法了解自己的权利、义务和期望[pp.170-171].

当然，在这种情况下，我们正在谈论的事实和法律关系中出现的基础上，目前的准则。但是如果你的情况看，一个小小的更广义地说，这是显而易见，某些法律关系所引起的表也将出现在通过和生效的法律规范结果和体会的主题赋有权力。

结论

在分析的理论和法律方面的时刻，当一个法律关系出现了，我们得出结论，这样的时刻是通过一个具有法律效力的事实。同时，确定条件，用于识别特定事实的基础出现了一种法律关系的表示，即使在情况恰恰是在出现的法律关系的基础上通过的特定法律行为，包括一个规范的一个。在这种情况下，有一个表达的将相关的条例的社会关系，和规范成为一个先决条件的关系。

我们必须承认，的确切时刻，当一个法律关系产生不总是能成立的客观原因。在这方面，问题的确定时刻发生的法律关系。它仍然是开放的。它似乎框架内理论的国家法律，这个问题应该得到更彻底的发展，特别是在情况的时刻发生的法律关系是不正确地记录在一个特定的文件。

Список литературы

1. Герасимова Н.П. Возникновение, функционирование и развитие правоотношений // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 76–80.
2. Епифанов О.С. Некоторые вопросы объекта, момента возникновения и окончания охранительного уголовно-правового отношения // Modern Science. 2020. № 3-3. С. 111–117.
3. Ершов В.В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.
4. Жерновникова П.С. Волеизъявление как основание возникновения относительного правоотношения // Образование и право. 2024. № 2. С. 165–173.
5. Павлова Ю.В. Судебные акты в системе юридических фактов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 193 с.
6. Саркисян В.В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022. 28 с.

7. Шполтаков О.В. Понятие и юридическая сущность, момент возникновения и прекращения, содержание преддоговорных гражданско-правовых отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 121–126.

References

1. Gerasimova N.P. Vozniknovenie, funkcionirovanie i razvitie pravootnoshenij // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2014. № 1 (2). S. 76–80.
2. Epifanov O.S. Nekotory'e voprosy' ob`ekta, momenta vozniknoveniya i okonchaniya oxranitel'nogo ugolovno-pravovogo otnosheniya // Modern Science. 2020. № 3-3. S. 111–117.
3. Ershov V.V. Pravootnosheniya: vozniknovenie i regulirovanie // Pravosudie. 2022. T. 4, № 1. S. 8–27.
4. Zhernovnikova P.S. Voleiz`yavlenie kak osnovanie vozniknoveniya otnositel'nogo pravootnosheniya // Obrazovanie i pravo. 2024. № 2. S. 165–173.
5. Pavlova Yu.V. Sudebny'e akty' v sisteme yuridicheskix faktov: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 193 s.
6. Sarkisyan V.V. Peregovory' o zaklyuchenii dogovora v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2022. 28 s.
7. Shpoltakov O.V. Ponyatie i yuridicheskaya sushhnost', moment vozniknoveniya i prekrashheniya, sodержание preddogovorny'x grazhdansko-pravovy'x otnoshenij // Probely' v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 1. S. 121–126.

CONTENTS

TRANSFORMATION OF THE CONSTITUTIONAL COURT'S POSITION ON THE POSSIBILITY OF ENFORCEMENT OF DECISIONS OF INTERNATIONAL AND FOREIGN COURTS IN RUSSIA	9
DEPRIVATION OF CITIZENSHIP: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT	20
PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS.....	31
NON-STANDARDIZED INTERNATIONAL CONTRACTS: CONTROVERSIAL ISSUES OF EVALUATING THE LEGAL FORCE	41
DISPUTABLE ISSUES OF DETERMINING THE MOMENT WHEN A LEGAL RELATIONSHIP ARISES	533

表格的内容

变革的宪法法院的位置的可能性的强制执行决定的国际和外国法院在俄罗斯	9
剥夺国籍：国际法律方面	20
问题的国际法律监管的状态，人工岛屿.....	31
非标准化的国际合同：有争议的问题的评估的法律效力.....	41
争议问题的确定时刻，当一个法律关系产生.....	53